

Для чего нужен звучащий словарь дискурсивных слов русского языка

И. М. Кобозева (kobozeva@philol.msu.ru),

Л. М. Захаров (leon@philol.msu.ru)

Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова

В докладе дается оценка современному состоянию изучения и описания дискурсивных слов (ДС) русского языка, отмечается недостаточная изученность их синтаксиса и просодии. Для системного анализа просодического аспекта ДС в его увязке с синтаксическим, семантическим, коммуникативным и прагматическим аспектами предлагается проект создания звучащего электронного словаря, и на конкретных примерах демонстрируется, как в ходе решения этой задачи верифицируется и уточняется семантическое описание ДС.

Со второй половины 70-х гг. XX века в связи с коммуникативно-прагматическим поворотом в лингвистике существенно повысился интерес исследователей к служебным (незнаменательным) словам. В особенности это относится к тем из них, которые отражают не столько отношения между элементами описываемого в высказывании фрагмента действительности, сколько отношения между элементами структуры дискурса, понимаемого как коммуникативная ситуация, включающая сознание коммуникантов и создающийся в процессе общения текст [Кибрик 1992: 289]. Эти слова получили название дискурсивных слов (или маркеров).

Термин «дискурсивные слова» (далее ДС), не ставший пока общепринятым, очень удобен. Он ставит во главу угла семантическую специфику слова — его участие в соотношении «вещественного» содержания высказывания с коммуникативной ситуацией, — отодвигая на второй план его формальные характеристики. Разумеется, у ДС есть определенные морфологические и синтаксические признаки. Среди этих признаков можно выделить такие, которые присущи большинству ДС. В русском языке это их неизменяемость (ср., однако, *один* и *единственный* в значении ‘только’); неспособность быть ядром синтаксической группы (в отличие от существительных, глаголов, прилагательных и наречий); синтаксическая функция союза или адьюнкта; возможность синтаксически связываться как с именной, так и с глагольной группой (в отличие от абсолютного большинства прилагательных и наречий); при нейтральном порядке слов большая удаленность от ядра группы препозитивных «дискурсивных» адьюнктов по сравнению с «недискурсивными» (ср. *даже громко топнул* / **громко даже топнул*, *вообще все эти новые веяния* / **все вообще эти новые веяния* / **все эти вообще новые веяния* / **все эти новые вообще веяния*). Однако морфосинтаксическая специфика ДС пока слабо изучена. И объясняется это прежде всего объективной сложностью определения синтаксического статуса ДС — установления элемента (составляющей) предложения, с которым ДС синтаксически связан (в которую он входит), определение характера этой связи и ее направления (в случае подчинения)¹. Определение линейной позиции слова по отношению к другим составляющим — это кропотливая работа, которая для большинства ДС пока не проделана. При всем том ясно одно: набор лексико-грамматических категорий, предлагаемых традиционной грамматикой для классификации служебных (строевых, структурных) слов, а именно: наречия, частицы союзы и междометия — не дает формальных критериев для отнесения ДС к той или иной категории. Не решает проблему полностью ни введение дополнительных категорий типа вводных (модальных) слов (по В. В. Виноградову), скреп (по Т. А. Колосовой и М. В. Черемисиной), предикативов [Ефремова 2001], ни субкатегоризация служебных частей речи в

---

¹ Образцовое исследование лексемы *единственный* [Богуславский 1996: 155–226] наглядно демонстрирует уровень сложности проблем, возникающих при описании синтаксиса ДС.

терминах гибридных категорий типа частица-союз, частица-вводное слово и т. п. (см. [Русская грамматика 1980]), поскольку формальные признаки таких категорий и субкатегорий не эксплицированы. Яркое свидетельство тому — разноречивость в грамматической квалификации одних и тех же ДС или их употреблений, который наблюдается как в общих, так и в специализированных словарях². Акцентируя функционально-семантический аспект обозначаемого типа языковых единиц, термин «дискурсивные слова» позволяет обойти псевдопроблему их принадлежности к одной из традиционных «частей речи», дает необходимую свободу для выявления их формальных свойств, с учетом которых только и может быть произведено их адекватное разбиение на лексико-грамматические категории (классы, типы).

В настоящее время имеется большое количество описаний отдельных дискурсивных слов (далее ДС) и их групп, появились даже специальные словари таких единиц (см., в частности [Баранов, Плунгян, Рахилина 1993], [Дискурсивные слова 1998], [Словарь структурных слов 1997], [Шимчук, Щур 1999], [Ефремова 2001]). В своей совокупности эти работы дают многоаспектную информацию об основных ДС — просодическую, грамматическую, синтаксическую, семантическую, коммуникативную, прагматическую, а в [Шимчук, Щур 1999] еще и паралингвистическую — необходимую для правильного их понимания и использования в речи. Необходимую, но все же еще не достаточную ни в теоретическом, ни в прикладном аспекте, и в частности для таких целей, как обучение русскому языку иностранцев или автоматическая обработка текста и звучащей речи. И, прежде всего, это касается просодического и синтаксического аспектов ДС, которые, на самом деле, тесно связаны (см. [Апресян 1990], [Богуславский 1996]). В данной работе мы остановимся только на первом из них.

В отечественной лингвистике уже давно отмечались особые отношения дискурсивных слов с просодией, как на уровне слова, так и на уровне фразы (см., напр., [Николаева 1985], [Баранов, Кобозева 1988], [Апресян 1990], [Кодзасов 1996], [Янко 2001]). Если говорить о словесном ударении, то полнозначное слово всегда имеет по меньшей мере одно словесное ударение, тогда как ДС может быть безударным во всех своих употреблениях (напр., *же* или *ведь*). Большинство первообразных ДС, означающие которых принадлежат общеславянскому фонду партикул, имеют как ударный, так и безударный варианты произнесения, причем это различие, как правило, коррелирует с различием в значении (см. [Кодзасов 1996]). Учитывая это, Э. Г. Шимчук, М. Щур вводят в словарную статью ДС специальную помету об ударности / безударности лексемы в целом или отдельных ее ЛСВ³.

Если мы перейдем от словесной просодии к фразовой, то увидим, что ДС взаимодействуют с ней совсем не так, как типичные полнозначные слова. Действительно, фразовые просодические характеристики полнозначного слова в речи в общем случае лексически не предопределены (некоторые исключения из этого правила проанализированы в работе Т. Е. Янко [2001]). В частности наличие/отсутствие на знаменательном слове фразового ударения, зависит, помимо чисто ритмических факторов, от его роли в логико-семантической и информационной (= коммуникативной) структуре высказывания. В отличие от этого типичные ДС (лексемы целиком или их отдельные ЛСВ) имеют фиксированное отношение к фразовой просодии. Так, Т. М. Николаева [1985] установила, что для русских частиц релевантно два акцентно-просодических противопоставления: частицы сами могут быть акцентируемыми / неакцентируемыми и требовать / не требовать акцентирования элемента, с которым они синтаксически связаны (напр., *же* — частица неакцентируемая, но акцентирующая, *ан* — акцентируемая и акцентирующая, *авось* —

² Так, напр., в словарях [МАС] и [Ефремова 2001] все употребления *вообще* квалифицируются как наречия, в [Ожегов, Шведова] одно из них характеризуется как вводное слово и частица, а в [Шимчук, Щур 1999] два характеризуются как просто частицы. Одно и то же употребление ДС *да* в контекстах типа *Нас возьмешь с собой? — Да, как бы не так! Зачем вы мне там нужны?* в [Шимчук, Щур 1999] считается частицей, а в [Ефремова 2001] — междометием и т. д.

³ В [Словарь структурных слов 1997] информация о словесном ударении для односложных слов отмечается знаком ударения и в графической форме, и в транскрипции. В односложных же словах ударение ни там, ни там не проставляется. По-видимому, авторы словаря считали в этом случае информацию об акцентуации избыточной, полагая, что она должна извлекаться из фигурирующих в транскрипции редуцированных гласных (ср. 2 варианта транскрипции для *да*-частицы — [da] и [dʲ]). Однако, известно, что в области клитик безударность вполне совместима с отсутствием качественной редукции гласного, и вариант [da] может быть как ударным, так и безударным. Отметим, что произнесение [dʲ] в данном словаре ошибочно соотнесено с неизбежно ударной частицей-репликой *Да*, выражающей готовность слушать (что можно приписать случайному сбою в нумерации подзначений), а также «оптативному» *да*, что, скорее всего, является ошибкой в фонетической интерпретации.

акцентируемая, но не акцентирующая, *ведь* — неакцентируемая и неакцентирующая)⁴. Ю. Д. Апресян посвятил специальную работу обоснованию необходимости фиксировать в словаре лексикографически существенную просодическую информацию о лексеме [Апресян 1990, 1995]. Из всех имеющихся словарей информацию о связи ДС с фразовой просодией дает только словарь [Шимчук, Щур 1999]: в случае, если частица в определенном значении находится под фразовым акцентом, это отмечается особо (сведения об обязательности/возможности фразового акцента даются за знаком ® наряду с другой необходимой информацией о синтактике частицы). Обязательный фразовый акцент в иллюстративных примерах отмечается знаком ", возможный — ("). Знак акцента ставится только над частицей, прочие акценты и вторая часть акцентных композиций не отмечаются (Ук. соч., 14). Кроме того, в этом словаре дается и синтагматическая просодическая информация о ДС (в тех случаях, когда употребление ДС регулярным образом связано с просодической характеристикой его окружения). Так, о лексеме ЖЕ в зоне просодических сведений сообщается, что она примыкает к предшествующему акцентированному слову. Таким образом, в словаре так или иначе помечены акцентируемые и акцентирующие частицы. Включение в словарь информации о связи ДС с фразовой просодией — бесспорная заслуга его авторов, однако сведений об отношениях между ДС и фразовым акцентом в общем случае недостаточно. Дело в том, что различные семантические и семантико-синтаксические варианты ДС (как бы мы их не трактовали — как омонимы, ЛСВ или контекстные модификации) отличаются друг от друга не только по наличию / отсутствию словесного ударения и / или обязательности / возможности / невозможности фразового акцента на самом слове или его синтагматическом партнере, но и по другим просодическим параметрам. Разные авторы, писавшие об этом, называли такие параметры, как тип фразового ударения (ФУ) — синтагматическое, главное фразовое, контрастное, эмфатическое [Апресян 1990]; тип ИК, реализуемый либо на акцентированном ДС, либо на интонационном центре фразы, синтаксически связанной с ДС [Баранов, Кобозева 1988], [Апресян 1990]; обязательность/возможность/невозможность паузы после ДС [Баранов, Кобозева 1988]; [Кодзасов 1993]; восходящий / нисходящий тон, нормальная / увеличенная амплитуда тонального изменения; верхний / нижний уровень тона, общая редукция произнесения и нек. др. [Кодзасов 1993].

В существующих словарях ДС подобная информация, важная как для овладения устной формой языка, так и для автоматического распознавания, отсутствует. Уже одно это говорит о том, что нужен словарь, указывающий для каждого семантико-синтаксического варианта ДС все релевантные просодические характеристики. Поскольку до сих пор ни один из предложенных лингвистами просодических метаязыков не стал достоянием широкой общественности, словарь должен быть звучащим. Наилучшим способом реализации идеи многоаспектного словаря ДС, включающего необходимую фонетическую информацию, явился бы электронный словарь, построенный по принципу гипертекста и включающий звуковые файлы с образцами канонического озвучивания характерных примеров употребления каждого ДС в определенном значении в составе соответствующих типовых предложений. Помимо метаязыковой и иллюстративной информации, традиционно кодируемой графическими вербальными и полиграфическими средствами, и эталонных образцов озвучивания высказываний с ДС, в таком словаре можно было бы визуализировать их акустические характеристики, что важно уже для исследовательских целей.

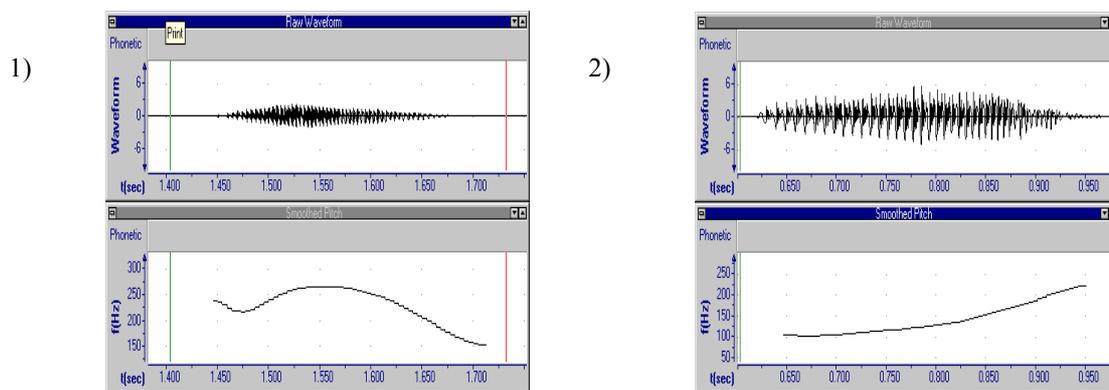
Предпринятая нами попытка разработки формата для подобного словаря и пробные описания ДС в этом формате сразу же показали, что описание фонетических характеристик ДС важно не только само по себе, но и как средство более глубокого проникновения в хитросплетение связей между семантическими и поверхностными свойствами языковых знаков. Здесь мы ограничимся только двумя примерами.

Словари так или иначе выделяют у лексемы *А* целый ряд (под)значений. Некоторые из них она имеет только тогда, когда употребляется в качестве отдельного высказывания, которое само по себе образует законченную реактивную реплику, но факультативно может быть продолжено другим высказыванием того же говорящего, ср. примеры в (1), взятые из словарей:

- (1) а. Аня! — А? — Ты не брала у меня книгу?
б. Звонят, возьми трубку! — А? (Что ты сказал?)
в. Почему ты так рано уходишь? — У меня завтра экзамен. — А-а! (Тогда ни пуха!).

⁴ Поскольку синтаксически частица может быть связана как с именной группой, так и с целым предложением, то противопоставление «акцентирующая / неакцентирующая» релевантно только для первого случая, поскольку предложение всегда имеет хотя бы один фразовый акцент, независимо от того, есть ли в его составе частица. В приведенных примерах все частицы, относящиеся к предложению в целом, трактуются как неакцентирующие.

Просодическое отличие *A-a!* в случаях типа (1в) от *A?* в случаях типа (1а) и (1б) очевидно. Оно непосредственно зафиксировано в способах написания, отражающих относительную длительность гласного, и лишь косвенно в пунктуации, отражающей «вопросительность» / «восклицательность» предложения, которые, как хорошо известно, не имеют однозначного просодического соответствия. Не удивительно, что в тех словарях, где вариант лексемы *A*, представленный в примерах типа (1в) отмечается (напр., в [Словарь структурных слов 1997]), он подается отдельно от вариантов, представленных в (1а) и (1б): ведь у него есть отличие от них не только в означаемом («Употр. для выражения того, что полученный от собеседника ответ вполне удовлетворяет спрашивающего» [Ук. соч.: 25]), но и в означаемом. По другому трактуются варианты *A* в примерах типа (1а) и (1б). Несмотря на то, что их означаемые не тождественны, они в словарях объединяются в одно дизъюнктивно организованное употребление, см. напр.: «Употр. как вопр. част.-реплика после обращения или при переспросе; вводит, как правило, комментирующее предл. Выражает отклик на обращение или побуждение к повторению нерасслышанного» [Шимчук, Щур 1999], «Употр. как вопросительный отклик на обращение или при переспросе нерасслышанного» [Словарь структурных слов 1997]. Основанием для такого объединения может быть стремление к экономии в описании. Действительно, коль скоро два этих варианта ДС принадлежат к одной и той же синтаксической категории (частица-реплика) и имеют одинаковые — «вопросительные» — означаемые (во всяком случае, в письменной форме), то различие в означаемых (отклик на обращение vs переспрос) не столь существенно, и можно объединить их в одно. Но одинаковы ли их означаемые в первичной — устной — форме существования языка? Более внимательное аудирование, а затем и акустический анализ звукозаписей образцов произнесения соответствующих вариантов ДС *A* показал существенные различия в их просодии. Во-первых, *A* «отклика на обращение» в отличие от *A* «переспроса» бытует в двух просодических вариантах, интонаграммы которых представлены на рис. 1, 2.

Рисунки 1. и 2. *A* «отклик на обращение». 1. — Диктор 1; 2. — Диктор 2.

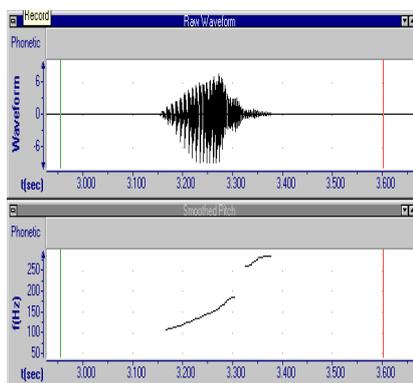

Рисунок 3. *A* «переспрос». Диктор 2.

Только второй из них имеет основание называться «вопросительным», поскольку произносится восходящим тоном, характерным для общих вопросов. Во-вторых, *A* «переспроса», хотя и произносится восходящим

тоном, отличается от «вопросительного» варианта *A* «отклика на обращение», поскольку при одном и том же дикторе подъем тона имеет большую амплитуду, достигает верхнего уровня и слово имеет меньшую длительность⁵ (ср. рис. 2 с рис. 3).

Таким образом, поскольку различие в означаемом поддерживается различием в означающем, есть все основания рассматривать употребления, представленные в примерах (1а) и (1б) как различные знаки. Семантические различия между ними не пропозициональные, а иллокутивные. Причем именно просодия кодирует иллокутивную функцию реплики. *A* же — это просто конвенционализированный фонетический носитель интонационного контура, соответствующего или констатации (приема сообщения), или вопросу (≈ что ты хочешь мне сказать?), или выражению недоумения (в связи со сбоем в коммуникации). Так, переспрос может выражаться и с помощью лексемы *Что-что?*, но интонация будет та же, что и у *A?* переспроса. Таким образом, мы имеем здесь дело с лексически конвенционализированными способами выражения иллокутивных значений — объектом иллокутивной лексикографии (термин Т. Е. Янко). В лексикографическом же плане удобнее трактовать рассмотренные употребления *A* как отдельные ЛСВ лексемы *A*⁶.

Еще один пример полезности обращения к звуковой стороне при решении вопроса о семантической структуре ДС, — лексема *вообще*, семантика которой достаточно подробно проанализирована в [Баранов, Плунгян, Рахилина 1993: 105–118], и [Гатинская 2001], а в [Апресян 1990] и [Кодзасов 1993] предприняты попытки соотнести синтактико-семантические варианты этого ДС с просодией. Сразу же следует отметить, что метаязыки описания просодии в двух последних работах достаточно сильно отличаются друг от друга. Ю. Д. Апресян использует интегральный параметр — тип ФУ, значениями которого являются синтагматическое, главное, контрастное и эмфатическое ударение, а С. В. Кодзасов оперирует параметрами более элементарными и конкретными, что, конечно, затрудняет сопоставление указанных описаний, но не исключает его полностью. При сравнении обнаруживается расхождение в оценке примеров типа (2), где *вообще* выступает как обобщающее слово (маркер обобщения), вводя пропозицию, родовую по отношению к предшествующей (часто при завершении однородного ряда):

(2) *Она пообещала заходить к нему, и вообще заботиться о его здоровье.*

Если по Ю. Д. Апресяну *вообще* в примерах типа (2) может иметь синтагматическое (и тем самым, по видимому, восходящее) ФУ или быть фразово безударным [Апресян 1996: 189], то по С. В. Кодзасову в таких случаях *вообще* всегда имеет восходящий акцент, да еще и большой амплитуды:

(2') *Она пообещала заходить к нему, и 'вообще(//) 'заботиться(\\) о нем* (Ук. соч.: 197).

Даже без акустического анализа, на слух, легко определить, что если произнести ДС в предложении типа (2) без какого либо ФУ, пусть хотя бы синтагматического, оно будет звучать неестественно. Обратившись к акустическому анализу записанных образцов естественного (с точки зрения дикторов) произнесения аналогичных предложений, мы установили, что *вообще* в контекстах типа (2) всегда несет фразовое ударение, но вариант интонации, описанный С. В. Кодзасовым, — не единственный. Наряду с ним существует не менее правильный вариант с нисходящим контрастным акцентом (\\) на *вообще*:

(2'') *Она пообещала заходить к нему, и 'вообще(\\сop) заботиться о нем.*

Интересно, что этот последний вариант интонирования совершенно неприемлем для формально очень близких к типу (2) предложений типа (3), которые рассматриваются Ю. Д. Апресяном в одном ряду и получают единую просодическую характеристику:

(3) *Сам он пил дорогое вино, но вообще проявлял страшную скаредность.*

(3') *Сам он пил дорогое вино, но 'вообще(//) проявлял страшную скаредность.*

(3'') **Сам он пил дорогое вино, но 'вообще(\\сop) проявлял страшную скаредность.*

⁵ О семантических функциях уровней тона см. напр., [Кодзасов 2001].

⁶ О том, что в сознании наивных носителей языка эти варианты различаются, свидетельствует различие их просторечных словообразовательных синонимов: *Аюшки!* / *Аиньки!* для *A* «отклика на обращение» и «*Ась?*» для *A* переспроса. Наличие подобных расхождений у употреблений полнозначного слова считается одним из оснований для признания их разными значениями этого слова.

Отмеченное нами различие в просодических возможностях предложений типа (2) и типа (3) свидетельствует против объединения двух фигурирующих в них вариантов в одну лексему *вообще* 2 и приведения их к одной альтернативной схеме толкования вида (4):

- (4) Р и вообще <но вообще> Q = 'имеет место Р, и имеет место Q, и Р — частный случай Q <исключение из Q>'. (Ук. соч., 189).

И напротив, получает дополнительное подтверждение принятое в [Баранов, Плунгян, Рахилина 1993] разделение всех употреблений ДС *вообще* на три модификации единой схемы, к одной из которых — «От частного к общему» — относятся употребления типа (2), а к другой — «Правила и исключения» — примеры типа (3)⁷

Таким образом, лексикографическая фиксация просодических характеристик ДС с опорой на последние достижения в области интонологии и с использованием компьютерных анализаторов речи имеет смысл не только сама по себе, но и как способ верификации и уточнения их семантических, коммуникативных и прагматических характеристик.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М. 1995. С. 178–197.
2. Апресян Ю. Д. Типы лексикографической информации об означаемом лексемы // Типология и грамматика. М., 1990.
3. Баранов А. Н., Кобозева И. М. Модальные частицы в ответах на вопрос // Прагматика и проблемы интенциональности. М. 1988. С. 45–69.
4. Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М. 1993.
5. Богуславский И. М. Сфера действия лексических единиц. М., 1996.
6. Гатинская Н. В. Портрет лексемы *ВООБЩЕ* // Вестник Моск. ун-та. Сер. Филология. 2001. № 3.
7. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Киселёвой и Д. Пайара. М. 1998.
8. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М., 2001.
9. Кодзасов 1993 // Баранов, Плунгян, Рахилина 1993.
10. Кодзасов С. В. Комбинаторные методы в фонологии. Научный доклад по опубликованным трудам, представленный к защите на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 2002.
11. Кодзасов С. В. Семантико-фонетическое расщепление русских частиц и просодическая информация в словаре // Словарь. Грамматика. Текст. М. 1996, 97–112.
12. Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.
13. Санников В. З. Значение союза «но»: нарушение «нормального» положения вещей // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 45. № 5. 1986.
14. Словарь структурных слов русского языка / Под научн. ред. В. В. Морковкина. М. 1997.
15. Шимчук Э., Щур М. Словарь русских частиц / Berliner slavistische Arbeiten. В. 9. Frankfurt am Main, 1999.
16. Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.

⁷ Правда, все примеры, иллюстрирующие модификацию «Правила и исключения», имеют *вообще* в первом конъюнкте (ср. *Вообще(//) он проявлял страшную скаредность, но сам пил дорогое вино*), однако, как мы видели, порядок следования «правила» и «исключения» может быть и обратным.. Все зависит от того, чему говорящий придает больший коммуникативный вес. Более важный элемент этой диады оказывается в клаузе, вводимой союзом *но* [Санников 1986].